

Т 759932

Е голоса

МОЛОДЫЕ

СЕРГЕЙ
ЧУХИН

РС
4-96
Т 759932

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СЕРГЕЙ
ЧУХИН

ДНИ ПОКОЯ

СЛОВО О ДРУГЕ

Характер Сергея Чухина как поэта сложился на наших глазах — быстро и словно бы сам собой, то есть естественно. Не было каких-либо метаний, шараханий из стороны в сторону или отрицаний ранее приобретенного. Это, разумеется, не значит, что становление шло без внутренней борьбы, напряженных и мучительных раздумий, поисков своего «я». Все это было, но протекало подспудно, «без взрывов», не разрушая сложившегося впечатления.

С. Чухин родился в деревне, в семье сельских учителей, в год нашей победы над фашизмом. В 1963 году после окончания средней школы поступил в Вологодский педагогический институт. Тогда он уже писал стихи и некоторые из них предлагал областным газетам. Знание простых людей деревни, их забот, нрава и языка помогло найти не только свою тему, но и свою интонацию — непосредственную и доверительную, а работа в студенческих диалектологических экспедициях расширила первоначальные знания и представления и помогла закрепить уже найденное.

Сегодняшние стихи Сергея Чухина выгодно отличаются от первых и большей строгостью композиционного построения, и умелым использованием иногда даже чисто местных слов, и лучшей отделкой строки. Этому в немалой степени способствовали занятия в Литературном институте в семинаре Сергея Васильевича Смирнова, дружба с Николаем Рубцовым, знакомство с Александром Яшиным...

После того как Сергей Чухин оставил пединститут и объездил в качестве корреспондента областного радио всю Вологодчину и закончил Литинститут, прошло немало времени. Все эти годы он много и вдумчиво работал. Молодой поэт понял, что всегда и превыше всех достоинств ценилась в народе душа человека, поэтому и беспокоится о ней прежде всего:

Не надо мне заоблачных высот,
Где пустота сознание убивает.

Чухин С. В.

ч-96 Дни покоя. Серия «Молодые голоса». М., «Молодая гвардия», 1973.

32 с. 20 000 экз. 11 коп.

Сергей Чухин родился в 1945 году в деревне Бабцино Вологодской области. Работал киномехаником, корреспондентом областного радио и молодежной газеты «Вологодский комсомолец». По окончании Литературного института стал литературным сотрудником районной газеты.

Сильной стороной творчества С. Чухина является постоянное ощущение родной северной природы. Поэт хорошо знает землю, на которой живет и к которой питает сыновнюю привязанность. Неразрывны у Сергея Чухина природа и люди, к которым он относится с взволнованной любовью и доброжелательством.

P2

ч 0742
078(02)—73 322—73

Пускай со мной душа моя умрет,
Но только раньше пусть не умирает.

Лирический герой Сергея Чухина — странствующий человек. Это своего рода «очарованный странник». Очарованный своей Родиной, ее народом, делами его... Но он не празднующийся, скучающий франт. Как правило, это командированный, а значит, тоже деловой, работающий человек, хотя он прямо и не показан в процессе работы. Видно, что он свой, родной, хотя бы по тому, что его интересуют простые трудовые люди, их будни, а внимательность его к людским занятиям, их хозяйственным и житейским работам еще более подтверждает первоначальное о поэте мнение. У него даже собственное одиночество — рабочее, а не праздничное, не тоскливое:

Наступит одиночества отрада,
И думы, что по-зимнему чисты,
Естественные, словно снегопады,
Осядут на покорные листы.

Сергей Чухин живет напряженной духовной жизнью. Он работает, думает, любит, ненавидит, устает. Но это обычная и объяснимая усталость честно поработавшего человека. Она, кстати, человечней и понятней ходячего бравирующего и напускного активизма, который всегда прочитывается прежде всего как позерство и неискренность.

Однако хочется пожелать Сергею Чухину большой требовательности к себе, тем более что он сейчас на пороге ответственных и обязывающих изданий своих стихов. Он, на мой взгляд, уже созрел для того, чтобы говорить с читателем о сущем. Вино ведь в бочках тоже нужно держать ровно столько, сколько необходимо, чтоб оно не перебродило и не начало закисать.

Виктор Коротав

●

По родной земле кочую,
По чужим домам ночую.
Стукну в дверь. Кричат: «Войдите!» —
«Можно переночевать?» —
«Проходите, бога ради!
Добрым людям будем рады.
Выбирайте что хотите:
Вон — полати, вон — кровать».

Не спеша идет беседа.
«Далеко ли и откеда?» —
Не скрываю, отвечаю,
Мне и нечего скрывать.
Словно дивная жар-птица,
Самовар на стол садится.
После трех стаканов чаю
Покурю — и почивать.

Утром встану — понемногу
Собираюсь в путь-дорогу,
Тихо двери отворяю
И ступаю со двора.
По родной земле кочую,
У родных людей ночую
И поэтому желаю
Им здоровья и добра.

●

Стояли в марте холода,
Но через две недели
Пришло тепло — и, как всегда,
Мостами хлынула вода,

И льдины ржавые пруда
В три дня перегорели.

Великолепная пора! —
Во всем разгаре страсти:
Буксуют даже трактора,
По лужам с криками «Ура!»
Летит галопом детвора,
Рыбак готовит снасти.

И в небесах идут бои,
И там скворцам нimalo
Не уступают воробьи
Квартиры зимние свои.
Легко ль с привычной колени
Лететь куда попало?

Прекрасен воздуха настой!
Иду хмельной, бедовый.
И мне кричит цветок простой:
«Куда ты топаешь? Постой!
Взгляни, какой я новый!»

Прошла машина, тяжело дыша.
Осела пыль — и прояснились дали.
Куда спешить и жать на все педали?
Угомонись, веселая душа!

Стоит такой божественный закат,
Раздольно так и широко пылает,
И облака лучами подпирает,
И я закату, словно другу, рад.

И вообще идетя мне легко!
То под кустом увижу медуницу,
А то спугну загадочную птицу
И взглядом провожаю далеко.

Куда спешить... И я домой не рвусь,
Я предаюсь нежданному покою.
Запомнись же, запомнись мне такую,
Вечерняя и дорогая Русь!

А ты, душа, притихни поскорей,
Угомонись и полюби дорогу,
Что к лесу подается понемногу,
Как память сердца к юности моей...

Далеко, за темными холмами,
Сердцем понимая доброту,
Медвежонка мужики поймали,
Круглого лесного сироту.

К молоку сначала приучили,
Прочно склотили конуру,
А потом и вовсе приручили
И гулять пускали по двору.

Маленький, способный до науки,
Перед сельской, бойкой детворой
Мишка вытворял такие штуки,
Что дивились взрослые порой.

Но когда, почувствовав силенку,
 Мирным ожиданиям вопреки,
 Он задрал шальную собачонку,
 Затужили наши мужики:

«Жалко хлопнуть экого повесу».
 И свели беднягу за село.
 «Поброди-ко ты, браток, по лесу,
 Посмотри-ко разного всего».

Может, вырос некогда послушный,
 Но погиб, я думаю, скорей.
 Слишком добрым стал и простодушным,
 Потому что жил среди людей.

Друзей потянет кочевать,
 А ты у осени попросишь
 Бумаги лист, оконца просишь
 И деревянную кровать.

Листва засыплет водоем,
 Придет спокойная погода.
 Пройдет скрипучая подвода —
 И день потянется за днем.

Настроив душу на добро,
 На чистоту лесной берёсты,
 Понять природу так же просто,
 Как птице обронить перо...

Свальянные травы под ногами.
 Наверху темнеют облака.
 Небо пахнет первыми снегами,
 Можно говорить наверняка.

По округе холоднее стало,
 Оттого и хрипнут петухи,
 И давно не собирают стадо
 Выборные наши пастухи.

Наши реки вдруг захолонули,
 Только в избах держится тепло,
 Только утки тихо повернули
 С правого на левое крыло...

Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой —
 Всё скосили, просушили и поставили в стога.
 У кузнечика хромого с треугольной ногой
 Не шумит над головою разноцветная тайга.

Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,
 Покатилось красно солнышко, позолотило рожь...
 И ночами выстывают в речке камень да песок...
 Что, кузнечик, что ты плачешь? Плачем лета
 не вернешь.

Посажу тебя, пожалуй, не в карман, а в коробок,
 Поживи на теплой печке, духом яблок подыши.
 Тихой радостью осенней запастись надо впрок,
 Свежим сеном и листвою устилая дно души.

Тучи толстые нахлынут, и когда посыплет снег,
И когда не остановишь ни на чем усталых глаз,
Ты напомнишь мне, кузнечик, мой зеленый человек,
Тишь, луга, ржаное поле... Это будет в самый раз.

Поплотней прикроем двери, да растопим нашу печь,
И прогреемся немного у веселого огня.
Ах, кузнечик, я не в силах это лето уберечь,
Как товарищ по несчастью понимаешь ты меня!

Позабыл и дом родной, и детство,
Но ржаные помню калачи
И само торжественное действо
Около растопленной печи.
Это мне потом известно стало,
Как меняла старенький сатин
Мать моя на дрожжи и на сало
В дни международных годовщин.
Позабыл заветные полянки,
Лопухов размашистую тень.
Позабыл и рыжие поганки
На дощатых крышах деревень.
Это мне потом известно стало
Про послевоенную беду,
Что в деревне хлеба не хватало,
Что в деревне ели лебеду.
Что ночами плакала украдкой
Мать моя — узнал через года.
Мне тогда спалось ночами сладко,
А теперь не спится иногда.

●
Пускай со мной душа моя умрет,
Пусть без нее наступит время года,
Пусть без нее воды круговорот
Продолжит неумная природа.

Пускай со мной душа моя умрет,
В другое тело не перелетая,
Другой душе не принося забот,
Пускай со мной душа моя умрет,
Невечная, спокойная, простая.

Не надо мне заоблачных высот,
Где пустота сознание убивает.
Пускай со мной душа моя умрет, ..
Но только раньше пусть не умирает.

Благословенны дни покоя,
Милы, безоблачны, близки
И эти лодки на приколе,
И всплески мягкие реки.

Вода, пронизанная светом
(Она теплей под вечерá),
Рыбак, пришедший за советом, —
Полны приветов и добра.

И ветер, облетая сушу,
Незримо, но наверняка
В людей свою вдыхает душу,
Как в дерева. Как в облака.

Скорее бы заиндевели окна
И за двойною толщею стекла
Шоссейная дорога приумолкла,
А пешеходов стужа доняла.

Наступит одиночества отрада,
И думы, что по-зимнему чисты,
Естественные, словно снегопады,
Осядут на покорные листья.

Метелью окна занавешены.
Шумит согретый самовар.
Сидят немолодые женщины
И с блюдецек сдувают пар.

Сидят немолодые женщины
И тихо, не наперебой,
Судьбою общею утешены,
Беседуют между собой.

Они беседуют, беседуют,
Платочки на коленях мнут.
На ребятишек мягко сетуют:
«Обутки больно много рвут...»

Слова плывут, заботой теплятся
И тают около дверей:
«Коровы скоро ведь отелятся,
А сена мало на дворе.

И водокачки, что обещаны,
Стоят холодные, без крыш!»
Расходятся по избам женщины,
О всем не переговоришь...

Шуршат сухие ивняки,
И холодны на дне реки
Недавно теплые пески,
И пусто на пологом поле.
И эта темная река
Спокойна и неглубока,
Стоят спокойно облака
И лошади на водопое.
Качая зыбкие мостки,
Полощет мать половики:
«Покуда ведрены деньки,
Покуда ветры стали тише...»
И дале причитает мать,
Что надо все перестирать,
Пока дожди полосовать
Не начали по нашей крыше.
Приходит матушка домой
И, прислонясь к печи спиной,
Подолгу говорит со мной,
Что вянут за деревней склоны
И, зная, зима недалека...
Стоят спокойно облака,
Спокойна тихая река,
И только люди беспокойны.

●
 Как ясно, как чисто, как строго
 Под соснами на ветерке!
 Еще погуляем немного
 От дома невдалеке?

Успеем к вечернему чаю,
 А не успеем — пустяк!
 Сейчас по пути замечаю —
 Давно не гуляли вот так:

Мелодии перевирая,
 Услышанные вчера,
 И мысленно перебирая
 Похожие вечера.

Похожие были, да сплыли.
 Единственный это денек:
 Тепло остывающей пыли,
 Смолистый далекий дымок.

●
 Половодья лихая путина
 Затопила дороги мои.
 Напиши письмецо, Антонина,
 Прилетели ли там соловьи.
 Напиши, как они обручали
 Зорьку вечера и рассвет,
 Как в открытые окна ночами
 Горько пахнет черемухи цвет.
 Это май виноват, подружка,

А все прочее ни при чем,
 Что сгорает твоя подушка
 Под горячим под правым плечом!
 Выйди из дому — встретишь диво, —
 Все равно тебе не уснуть! —
 Посмотри, как луной окатило
 От крыльца уводящий путь.
 Протяни же призывные руки
 К сильным рекам, на север, туда,
 Где кончается время разлуки,
 Убывает оно, как вода.

●
 В вечерний час звуча рассветом...
 А. Блок

Закричали вечерние птицы
 За оврагами, рядом, во рву.
 Молодого тумана крупницы
 Понемногу согнули траву.

На реке ивняки потемнели,
 Потемнела гряда камыша,
 Потемнели песчаные мели,
 Но зато посветлела душа.

Вместе с ней посветлели сарай,
 Отдаленные скрипы подвод,
 И трава посветлела сырая,
 И река посветлеет вот-вот.

●
Она чиста, дороженька лесная!
Но вот однажды прохожу по ней —
Навстречу мне угрюмо, не мигая,
Из-под листа вылезит муравей.

Он на дыбки поднялся по-медвежьи
И прекратил мой безмятежный путь.
За милый край песчинок и валежин
Готов любому голову свернуть.

Храбрец решил: мол, этого осилю —
И грозно покатился на врага.
Пришлось ретироваться за осину...
Кому на свете жизнь не дорога?

Противник мой немного удивился,
Нашел иглу — и с ней наперевес,
Пошевелив усами, удалился...
Такой погибнет,
Но не выдаст лес.

●
Не забывай минувшие печали,
Любовь найдя и доброту найдя.
А если позабудешь, то едва ли
Они опять не посетят тебя.

Ни прежние надежды и ни вера
Тебя не отрезвят, и потому
Былая боль — единственная мера
Сегодняшнему счастью твоему.

●
Снегу светлому поклоняюсь,
Снегу — чистой душе небес.
Поклоняюсь ему, покоряюсь
И не жду от него чудес.

Но всегда благодарен душою,
Что в морозные дни января
Не хоронит поля под собою,
А собою спасает поля.

●
Сижу рыбачу... Только зря,
Лишь два усатых пескаря
И те от скуки, так, слегка
Позарились на червяка.

Плохи, плохи мои дела!
Куда же рыба вся ушла?
А раньше, помню, здесь, в грязи,
Такие хрюкали язи,
Что даже оторопь брала!
Плохи, плохи мои дела...

Сижу. Но с криками «Ура!»
Летят два бойких комара,
Они летят, как атаманы,
И лапы сунуты в карманы,
Хотят расправиться со мной...

Пойду-ка лучше я домой,
А пескарей пушу в реку.
Пусть вспоминают на веку,

Какой я хмурый и большой,
С какою доброю душой.

Приятно, что ни говори,
Пускай не люди — пескари,
Пускай в норе, пускай на дне,
Но все же вспомнят обо мне.

Ах как ласточки реяли в выси!
Нежным сеном тянуло с полей.
И слетались вечерние мысли
На огонь сигаретки моей.

Шли подводы деревнею грузно,
За подводами шли мужики.
Нам для горести многое нужно,
А для счастья совсем пустяки:

Только б ласточек в выси,
Да эту
Вечереющую благодать,
Да еще докурить сигарету,
И заснуть...
И проснуться опять.

Мне жалко покидать реку,
Где пахнет выловленным илом,
Где, занесенное разливом,
Лежит бревно,

А по песку
Гуляют гуси.
Жалко мне
Оставить яблони лесные,
Поляны светлые...
Отныне
На незнакомой стороне
Среди привычной суеты
Случайный шум ветвей напомнит
И холодок просторных комнат,
И лес, и друга, и цветы.
Неповторимая пора!
Она продлилась только лето,
Но ей спасибо и за это:
За луг, реку и дым костра.
Пускай с друзьями я не раз
Еще увижу эти воды,
Другие это будут годы
И все другое встретит нас.

Широкие темные рощи,
Где пахла сырая трава,
Всегда помогали попроще,
Поласковой выбрать слова.

От нежности лица белели,
И плыли средь березняка.
И добрыми лапами ели
Махали издалека.

Глупее мы были, моложе,
Боялись недобрых глаз.

Любовь миновала, но все же
Она не минула нас.

Поныне средь шума лесного —
Лишь имя твое назови! —
И губы разомкнуты снова
Простыми словами любви.

Окно расконопачу в горенке,
Оно выходит в палисад.
Гуляют в палисаде горлинки,
И низко яблоки висят.

Все тишиною мягкой обнято,
И, кажется, средь тишины
Услышу даже, если облако
Коснется краешком луны.

А Катерине Александровне,
Моей бабуся и любви,
Все чудится, что в палисаднике
Разбойничают соловьи.

Бабуся, это я разбойничаю!
И, теща милую свою,
Насвистываю неразборчивое
И неразборчиво пою.

Не зря я обиходил горенку,
И, коль удача улестит,
В ней будет жить такая горлинка,
Что и зимой не улетит.

●
Поле раскисло под ливнями.
Что на погоду пенять?
Местная авиалиния
Почты не может принять.

Жмутся к заборам прохожие,
Хлюпает грязь и вода.
Были недели погожие —
Были и письма тогда.

Как это трудно: разглядывать
И перечитывать вновь,
Сгибы легонько разглаживать
Писем, где дышит любовь,

Где через нотки отчаянья,
Настраивая на смех,
Строчек твоих окончания
Чуточку загнуты вверх...

Пришли на память милые грехи.
Со мною полушепотом болтая,
Сидишь темноволосая, босая.
Горланят по деревне петухи.
Мой легкий плащ тебе великоват,
И ты никак его надеть не хочешь,
Но все же надеваешь и хохочешь,

Взглянув на новоявленный наряд.
 От этой ночи долго до любви!
 Но я не в силах справиться с волнением...
 А между тем, захлебываясь пенем,
 Деревню атакуют соловьи.
 За перелеском от незримых струй
 Туман летит и, подымаясь, тает.
 И наша ночь от окон отступает,
 Короткая, как первый поцелуй.

Отличная нынче погода:
 И ясно, и ветер тугой!
 Не видели около года
 Хорошей погоды такой.

Приятно гулять за дворами,
 Приятно забыть на денек,
 Что не конопачены рамы,
 А холод уже недалек.

Сосед на пророка походит,
 Когда не спеша говорит:
 «Плохая погода проходит,
 Хорошая — постоит».

А птицы из глуби зенита
 Кричат, улетая от вьюг,
 И клин, словно стрелка магнита,
 Указывает на юг.

Законными хозяевами бора
 Песчаную дорогой належке
 Мы топали вершиною угора;
 Легко меняя темы разговора,
 Спешили в свой шалаш, к большой реке.

Нас ожидала чудная рыбалка!
 Уж доносился грозный шум воды...
 Тут заскулила вдруг моя собака,
 И взмокла на спине моей рубаха,
 Когда я на песке узнал следы.
 «Медведица! — и мы остановились. —
 А рядом медвежонок — вот и след...»
 Сердца у нас куда-то опустились,
 И молча мы со всей родней простились,
 Но все же принялись держать совет.
 Никак не получалось разговора.
 Решили так, сперва взглянув кругом,
 Что зверь не станет лапать без разбора
 Всех посетителей седого бора,
 Тем более что мы пришли с добром.
 ...И вот река, под бревнами, под сплавом,
 Нас развлекла... Но помню с этих пор
 Медведицу, покладистую нравом,
 Что лапу наложила с полным правом
 На наши притязания на бор.

Оттаяли зеленые массивы,
 Вот-вот они подымут гам и гул.
 И воробей, свои почуяв силы,

Соседа этак хорошо пихнул!
 Смотри, смотри попристальней в оконце!
 Заметишь, как в короткие часы
 Намного укорачивает солнце
 Сосулек любопытные носы.
 А вздумаешь пойти гулять подальше,
 Ты убедишься, милая, тогда,
 Что под любой лежащий камень даже
 И то пробилась вешняя вода.
 Весне желаю всяческих свершений,
 Спасибо ей за добрые дела!
 Она дохнула — и отогнала
 Заледенелость наших отношений.

●
 Кажись, и чудо невелико —
 Такое встретишь каждый год,
 А погляди-ко, волчье лыко
 Цветет — и как притом цветет!
 Его коснулось тенью только
 Крыло весны... И вот оно
 Зажгло свой огонек, — но сколько
 В нем теплоты заключено!
 Полянку словно осветило,
 А сердце каждого из нас
 Хорошим чувством окатило,
 Да и порадовало глаз.
 Велико чудо, невелико —
 Любое важно на веку.
 И потому-то волчье лыко
 Я ставлю с радостью в строку.

●
 Летит листва, легко черкает оземь.
 Пришла пора туманов и дождей...
 Как незаметно наступила осень
 На небогатой родине моей!
 Не прозевали люди,
 Опростали
 В корзины
 Простодушные леса!
 И прекратились крики за кустами,
 И отпорхали птичьи голоса...
 Усталая природа затихает,
 И дай ей бог зимой не знать тревог!
 Мой костерок неслышно затухает,
 Мой костерок —
 Мой теплый островок.
 Трепещет пламени душа живая,
 Предчувствуя последнюю беду!
 И, словно жизнь свою продлить желая,
 Ломаю хворост
 И в огонь кладу.
 Мне выедает очи дым разлуки,
 Но, утирая слезы, я молчу
 И так к огню протягиваю руки,
 Как будто друга
 Удержать хочу...

●
 До свиданья, родная сторонка!
 Чемоданчик в руке и билет.
 Откровенно, слезами ребенка,
 Мне заплакала девушка вслед.

Отвалил парохранишко ветхий
 От знакомых домов и берез,
 И, веселый, по палубе верхней
 Я шатался, не слишком тверез.
 И поехала жизнь, завертелась!
 Чемоданчик потерялся, ну что ж...
 Не скрываю, порою хотелось,
 Чтобы времечко, глупое сплошь,
 Воротилось!.. Но разве вернется!
 А не верить нельзя — потому,
 Может, счастье еще улыбнется,
 Да и сам улыбнешься ему.
 Так прости же, родная сторонка!
 Лишь одно не отмолятся, нет,
 Как открыто, слезами ребенка,
 Мне заплакала девушка вслед.

Нам по душе погожие деньки —
 Они безгрешным солнышком повиты.
 Нам по душе широкие ракиты,
 И старых мельниц жернова и плиты,
 И тихий ток заброшенной реки.
 Мой добрый друг, он счастлив, как дитя,
 Что я не нахваляюсь его местами
 И луговыми чистыми цветами...
 — Ну что, — смеется, — ноги не устали? —
 И мы с ним дальше топаем шутя.
 На вырубке, где мхом покрыты пни,
 Он снова улыбается: — Взгляни-ка...
 — О господи! Какая земляника! —
 Веселого не сдерживаю крика. —

Она клубнике более сродни! —
 ...И дальше мы шагаем налегке.
 Пчелиная вокруг играет вьюга,
 И, топя средь млеющего луга,
 Мы радуемся радости друг друга,
 Как радуемся солнцу и реке.

Покрыты сплавом берега реки.
 Над омутами наклонились ели,
 И устилают илистые мели
 Тяжелые тупые топляки.
 А мы-то шли сюда издалека,
 А как мы об ушице-то мечтали...
 Напрасно только снасти размотали
 Да натаскали дров для костерка.
 И кто сказал, что рыба здесь берет?!
 Пришла пора подсчитывать потери:
 Повывелись доверчивые звери,
 Вот так и до людей дойдет черед.
 Но я сейчас живу другой бедой, —
 И долгими дорожными часами
 Все та река стоит перед глазами,
 Как в страшной сказке, с мертвою водой.

На улице,
 Наверно, застывает.
 Ночь ветрена,
 Морозна и ясна.

И засыпает,
Тихо засыпает
Усталая от разных дел
Жена.
Во сне
Пусть от нее отступят страхи
За мир и лад,
За близких и родных...

Горят в печи, потрескивая, плахи,
А у трубы, наверно, жмутся птахи.
Мне так бы всех
Согреть хотелось их!
То слышу я гудки далеких станций,
То слышу я голодной птицы крик,
То слышу я шум ветра меж акаций...
Бессонной ночи
Жалобный язык!
И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волненьи, —
Как же быть...
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить.

Н. Рубцову

Уходим за последними грибами
Под крапающим изредка дождем.
Хотя отлично понимаем сами,
Что ничего сегодня не найдем.

Уходим за последними грибами,
И для согрева пробуем бежать,
И сигаретки теплые губами
Стараемся подольше подержать.
На пустоши давно ли огребали
Просушенное сено... А сейчас
Уходим за последними грибами —
За первыми ходили и без нас.

Сияет Ясная Поляна.
Не видно суеты нигде.
Светла, отчетлива, багряна
Листва застыла на воде.

Найду высокую аллею,
Найду покой и полутьму,
И, гость незванный, пожалею,
Что нет хозяина в дому.

Все в памяти стирается,
Всему вторая смерть.
А так душа старается
Навек запечатлеть
И небо цвета серого,
И как при ветерке
Трепещет жизнь последнего
Листка на волоске...

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о друге. Виктор Коротав	3
«По родной земле кочую...»	5
«Стояли в марте холода...»	5
«Прошла машина, тяжело дыша...»	6
«Далеко, за темными холмами...»	7
«Друзей потянет кочевать...»	8
«Свалянные травы под ногами...»	9
«Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой...»	9
«Позабыл и дом родной, и детство...»	10
«Пускай со мной душа моя умрет...»	11
«Благословенны дни покоя...»	11
«Скорее бы зандевели окна...»	12
«Метелью окна занавешены...»	12
«Шуршат сухие ивняки...»	13
«Как ясно, как чисто, как строго...»	14
«Половодья лихая путина...»	14
«Закричали вечерние птицы...»	15
«Она чиста, дороженька лесная!..»	16
«Не забывай минувшие печали...»	16
«Снегу светлому поклоняюсь...»	17
«Сижу рыбачу... Только зря...»	17
«Ах как ласточки реяли в выси!..»	18
«Мне жалко покидать реку...»	18
«Широкие темные рощи...»	19
«Окно расконопачу в горенке...»	20
«Поле раскисло под ливнями...»	21
«Пришли на память милые грехи...»	21

«Отличная нынче погода...»	22
«Законными хозяевами бора...»	23
«Оттаяли зеленые массивы...»	23
«Кажись, и чудо невелико...»	24
«Летит листва, легко черкает оземь...»	25
«До свиданья, родная сторонка!..»	25
«Нам по душе погожие деньки...»	26
«Покрты сплавом берега реки...»	27
«На улице, наверно, застывает...»	27
«Уходим за последними грибами...»	28
«Сияет Ясная Поляна...»	29
«Все в памяти стирается...»	29

Чухин Сергей Валентинович
ДНИ ПОКОЯ

Редактор *Вад. Кузнецов*
Художник *В. Смирнов*
Художественный редактор *Л. Белов*
Технический редактор *М. Солюшко*
Корректоры *Г. Василёва, Т. Пескова*

Сдано в набор 15/V 1973 г. Подписано к печати 10/IX 1973 г. А03078. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 1 (усл. 1,4). Уч.-изд. л. 1,1. Тираж 20 000 экз. Заказ 722. Цена 11 коп. Т П. 1973 г., № 322.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Суцеская, 21.

СЕРГЕЙ ЧУХИН

Сергей Чухин родился в 1945 году в деревне Бабцино Вологодской области. Работал киномехаником, корреспондентом областного радио и молодежной газеты «Вологодский комсомолец». По окончании Литературного института имени А. М. Горького работает сотрудником районной газеты.

Подборки стихов Сергея Чухина печатались в журналах «Север», «Сельская молодежь», «Юность». В 1969 году в Северо-западном книжном издательстве вышла его первая книга «Горница». «Дни покоя» — первая книга молодого поэта, издающаяся в Москве.
